

стого. К примеру, Радищев как член Комиссии составления законов при Александре I и Толстой как студент юридического факультета Казанского университета критически оценили «Наказ», составленный Екатериной II. Радищев и Толстой уловили главное противоречие «Наказа» — столкновение принципов просветительской философии и идей абсолютизма и деспотизма. Радищев был свидетелем того, как это противоречие проявлялось в реальной политике Екатерины: «...если в течение своего долговременного царствования, а особливо при конце оного, она отступила от многих своих правил, то была, может быть, разстроена в оных внешними и внутренними смутностями и, наконец, платила долг природе при долговременном ее правлении» (III, 148).

Толстой усматривал его в постоянных антилогических послышках «Наказа», во взаимоисключающих выводах его автора: «Во всем этом наказе представляются нам постоянно два разнородные элемента, которые Екатерина постоянно хотела согласить: именно, сознание необходимости конституционного правления и самолюбие, т. е. желание быть неограниченною властительницей России».² «В нем, как я уже прежде сказал, везде мы находим два противоположных начала — дух революционный, под влиянием которого находилась тогда вся Европа, и дух деспотизма».³

Толстой и Радищев близки в трактовке отдельных глав и статей «Наказа». И того, и другого особенно привлекла глава XII — «О размножении народа в государстве». Радищев обеспокоен тем, как устранить препятствия, стоящие на пути к благосостоянию. Он предлагает реорганизацию налоговой системы, требует поощрения жителей, занимающихся земледельческим трудом. Толстой тоже находит справедливым исходный тезис XII главы о том, что бедность — главная причина малого прибавления народонаселения. Он воспринимает мысль Екатерины об уничтожении бедности как искреннее намерение. «Средством против этого, — поясняет Толстой, — она хочет сделать разделение земель всем имеющим оных и подать им способности вспахать и обработать их».⁴ Рассуждения Толстого о пагубности рабства шли вразрез с туманными и противоречивыми установками «Наказа», касающимися злоупотреблений крепостников, с опасными их последствиями для самодержавной власти («Наказ», ст. 254). Толстой пишет: «...в нашем отечестве земледелие и торговля процветать не могут до тех пор, покуда будет существовать рабство; ибо человек подвластный другому не только не может быть уверен постоянно владеть своею собственностью, но даже не может быть уверен в своей собственной участи».⁵ Толстой рассуждает о раб-

² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное издание), т. 46. М.—Л., 1934, с. 11.

³ Там же, с. 27.

⁴ Там же, с. 18.

⁵ Там же, с. 19.